

Андрей Гребенкин

ЛУННАЯ РЕКА

Андрей Гребенкин

Лунная река

«Издательские решения»

Гребенкин А.

Лунная река / А. Гребенкин — «Издательские решения»,

Москва, наши дни. Молодой учитель истории и литературы разрывается между осточертевшей работой ради денег и страстью к преподаванию, между соблазнами большого города и своим предназначением. «Жизнь — это мысли, приходящие в течение дня», и читатель следит за судьбой отдельного человека в контексте исторических и совсем недавних событий, к которым обращается его память. В один из дней учитель встречает любовь всей жизни, но слишком поздно понимает, что любовь и смерть — почти синонимы.

© Гребенкин А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Учитель	6
Глава 2. Сгоревшие дни	12
Глава 3. Прошлое как настоящее	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лунная река

Андрей Гребенкин

© Андрей Гребенкин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1. Учитель

История эта началась в преддверии знаменитого экономического коллапса, вошедшего во все академические учебники. За месяц до того, как люди попроще стали щелкать зубами при взгляде на цены на все, увеличившиеся в три раза, а люди посложнее стали подсчитывать прибыль и составлять планы на бархатный сезон, учитель истории и литературы Джон Грибоедов сидел на стуле в кабинете директрисы гимназии и рисовал подпись в контракте на преподавательский сезон.

Имя учителя необычно и требует пояснений. Оно не было результатом противоестественных (по мнению компетентных органов) отношений советской женщины и студента (моряка, дипломата, бизнесмена) из англоговорящей страны.

Не было оно и результатом оригинальничания родителей при выборе имени, в советское время порождавшего Тракторин, Даздрамперм и Радиев, а в настоящем – Сварогов, Олимпов и Буцефалов.

Имя, данное учителю при рождении в честь знаменитого борца Ивана Поддубного (семейное предание хранило легенды о схватке прадеда с Поддубным на арене ростовского цирка и о самом прадеде, способном пригнуть к земле бычка-двухлетку и выжить в борьбе с рысью, прыгнувшей с дерева на спину), в младших классах претерпело изменения.

Это были годы распада Союза. Дети еще не осознавали масштаба перемен, политические бури пролетали над школами, в них все было по-прежнему. В роковом 1990 году, когда империя существовала уже только в головах ее подданных (много позже Джон узнал про отсутствие государственного бюджета на 1991 год, абсурдную декларацию, торжественно провозгласившей независимость России от частей ее самой, событиях в Прибалтике, Закавказье и повсюду), по-прежнему принимали в октябрюта и далее (Джона на две недели исключили из рядов пионеров, когда он случайно поднял в салюте на торжественной линейке не правую, а левую руку). Сохранялись все ритуалы, декорации и смысловые матрешки: Джон учился в звездочке имени Дзержинского школы имени Дзержинского, расположенной на улице Дзержинского, напротив памятника догадайтесь кому.

Но уже появилось что-то новое. Свет в конце туннеля приобрел реальные черты. Стало ясно, что туннель, которые поколения копали вертикально вниз, каким-то образом вышел на Запад. В туннель ворвался западный ветер. Этот wind of change, как пела полуанглоязычная группа Скорпионз, валил с ног и сдувал взрослых, но до школьников долетал шелестящим бризом, несущим богатства.

Появилась «родная» американская жвачка польского производства. Правда, жвачка стоила три рубля, а недельный доход Джона составлял до полтинника мелочью, автоматически уводя жвачку за горизонты бюджетного планирования. Но жвачка несла с собой невероятно красочные ароматные вкладыши! Игра на вкладыши закипела повсюду. Толстые пачки дональдов, турбо и десятков других вкладышей, новеньких и затертых как купюры царя Гороха, переворачивались от мастерского удара ладонью, продвигая одних на вершину социальной лестницы и разоряя других. Мошенников, выкидывающих пальцы долей секунды позже заклинания «Камень, жопа, антилопа», а также недостойных, пытавшихся плюнуть на ладонь или потереть ее о штанину, преследовали местные секьюрити.

О жвачка, исчезнувшая во время господства стоматологов, пичкающих мятной ненадувающейся дрянью! Отмечались случаи, когда жвачка, ежедневно находившаяся в жестокой эксплуатации, сдававшаяся в аренду, субаренду и субсубаренду, ежеминутно надувавшаяся, выкладывавшаяся ежевечерне на полку до нового дня, сохраняла свои свойства в течение месяца. Она становилась черной и липкой, но все еще имела аромат и надувалась.

Предыдущий советский аналог, жвачка «Кофейная», имела мерзкий вкус протухшего цикория, который исчезал за пару минут, не надувалась вовсе и через жалкий час разлагалась во рту несчастного пользователя.

Но появлением жвачки, товара первой необходимости, изменения не заканчивались. Появились Кока-кола и Пепси, джинсы и огромные гамбургеры, пластинки, голливудские боевики и не уступающие им по стремительности действия мультики. Предыдущий мульт-бестселлер чешского производства про собаку Фига размером с сарай оказался барахлом. Видеомагнитофоны перестали быть редкими как машина времени.

Ранее бывшая действительность не выдерживала сравнения с достижениями Запада. Советский строй, не сумевший за семьдесят лет изобрести бутерброд с сыром и колбасой, стремительно терял юных подданных.

Волшебный мир Запада! Если они делают такие жвачки и газировку, то какое же у них все остальное! Незнание вытеснялось восторгом.

У школьников быстро развивались коммерческие способности, ранее нещадно караемые. Самые смелые лазили по помойке за американским посольством, собирая пивные банки, вкладыши и сигаретные пачки. Самые перспективные сколачивали банды, отжимающие западное добро у слабейших телом и духом.

Группы оперативного реагирования выслеживали в центре Москвы иностранцев и предлагали им октябрятские значки, пионерские галстуки и прочую атрибутику в обмен на жвачку. Сделкой года, отправившей в нокаут техничку Амударью, стал обмен метрового вымпела из ленинского уголка на две пачки родного «Мальборо», распроданной затем поштучно. Переходящий вымпел завершил таким образом свой путь по передовикам образовательного процесса. Или не завершил – кто знает.

Правда, бурное развитие предпринимательства, требующего воспринимать другого как конкурента или клиента, несколько подорвало братство школьников, пливших, как ряска, в одном культурном водоеме, держась друг за друга. Но дух единства еще держался. Стоило кому-то из толпы одноклассников не запеть даже, а проговорить «Но если есть в кармане пачка сигарет...», как все подхватывали, бая: «Значит, все не так уж плохо на сегодняшний день. И билет на самолет с серебристым крылом, что, взлетая, оставляет земле лишь тень». Стоило кому-то метнуться в перемену на близкий хлебозавод, как обжигающая пара буханок «Бородинского» бросалась в центр класса, по-пираньи разрывалась и пожиралась.

И вот, как-то незаметно Ваня стал Джоном. Под своим именем в школе не ходил никто. Сергей автоматически превращался в Серого, Андрей в Дрона – но это были минимальные и весьма удачные превращения, допускаемые только в случаях, когда носитель имени не был отверженным и имел нейтральную фамилию, не дающую зацепок для фантазии.

Имя же «Иван» не имело общепринятой трансформации, фамилия внушала смутное уважение. Так что инициация прошла успешно. Имя стало западным, возникло множество ассоциаций, и все приятные. Вот Джон Маклейн, непобедимый коп из «Крепкого орешка». Вот Джон Барнс (почти «барс»), хавбек сборной Англии. Вот Джон Дикон, бас-машина легендарных «Queen». Вот, наконец, Джон Леннон, равно уважаемый всеми в школе, поделенной пополам на фанатов Виктора Цоя и глухих дебилов, а позже, в нарушение правил арифметики, – также пополам на фанатов «Ганз-н-Роузес», «Металлики» и «Европы».

Есть и тысячи других Джонов, созвучность которым приятно осознавать. Было в имени что-то пижонское, дижонское и еще какое-то, гордо-западное. Оно имело ореол, бэкстэйдж и не могло быть использовано зря. Неизбежные фразы на футбольном поле («Вань, твою мать, я открытый стоял!!!») с новым именем не звучали.

Бороться за признание имени Джону почти не пришлось. Он был крепок от природы, незаменим на футбольном поле и не конфликтен. На силовиков пятого «Б» произвел впечат-

ление первый день Джона в новой школе, когда во время потасовки на нем повисли четверо, но он не упал, а сумел стряхнуть их с себя.

В этом эпизоде Джону повезло – если бы дело дошло до кулачного столкновения, он потерпел бы жестокое поражение. Джон долго не мог преодолеть барьера – ударить человека по лицу. Это действие, простое для героев боевика как умывание, в реальной ситуации требует жестокости – хотя бы секундной. Махнуть в сторону соперника можно, но прицельно ударить его сложнее. Джон читал в книжке про Майка Тайсона, что бить нужно сквозь соперника, не упираться в него. Но ударить сквозь взгляд, нос, губы, грудь человека Джон не мог. В неизбежных схватках он старался захватить противника, бросить его об землю и примять. Это удавалось не всегда. Джон знал за собой эту слабость, пропускал иногда болезненные удары поддых, в глаз и по уху, но ничего не мог с ней поделать. Неспособность ударить была отвратительным чувством, чувством бессилия.

Особенно обидным было то, что Джон на уступал в силе никому из сверстников. Девяностолетний, но все еще сильный прадед научил его нескольким упражнениям, которые давали приятное ощущение тугой толкающей и рвущей силы. Изометрические упражнения, простые и естественные. Лучший соперник – тот, которого нельзя победить. Борись с ним! Пытайся согнуть железяку, порвать веревку, сдвинуть стену дома. Эти усилия бесплодны только на первый взгляд, они укрепляют сухожилия и дают силу мышцам. «Только не злоупотребляй», – предостерег прадед. «Сердце не стальное, делай понемногу». Джон злоупотреблял. Каждую свободную минуту он растягивал, мял и жамкал старый кожаный ремень, не проходил мимо стены, не упершись в нее изо всех сил, крутил в пальцах и пытался погнуть пятак.

Новое имя наполняло достоинством, требовало оглядки на поступки и призывало к само совершенствованию. Джон плотно засел за английский. Пятерки по нему он имел всегда и без усилий, но школа была без языкового уклона, и англичанка думала по-русски. Пересечение с маменькиными сынками из спецшколы озадачивало. Они шпарили беглой речью, в которой Джон улавливал знакомые слова, значения которых сходу не вспоминались и не складывались в предложения. Пробелы были очевидны и не допустимы. Начиналось уже и увлечение добрым волшебником Брэдбери, совершенным в переводах Норы Галь, но требующим прочтения без посредника.

Наконец, приобретенное имя позволило Джону компенсировать психический урон, понесенный четвертью раньше. В школу тогда каким-то ветром занесло финских телевизионщиков, которые захотели взять интервью у обычного советского школьника. Директор школы Рыбаков, носивший уважительное прозвище Рыба-коп, отмел всех старшеклассников как неуправляемых, политически ненадежных и пораженных гормонами, вбежал в пятый «Б» и спросил, кто хочет дать интервью телевидению.

Все подняли руки и тогда Рыба-коп топнул, звякнул и уточнил, что телевидение зарубежное, что налагает особую ответственность. В воздухе пронесся аромат жареного и руки опустились.

Джон же находился в эйфории по случаю забитого на физкультуре штрафного. Это был недавно освоенный бразильский «сухой лист»: мяч подкручивается так, что остановить его может только твердо поставленная ладонь вратаря, но не его пальцы, вытянутые в прыжке. В честолюбивом желании дальнейших почестей и стремлении избежать ненавистной алгебры Джон руки не опустил. Не опустил руки также невтыкающий двоечник Кекс, в задумчивости на шаривающий под партой стрелялку жеваной бумагой.

Рыба-коп увлек Джона в свой кабинет с тяжелым портретом Ленина и мягко проинструктировал, всего два раза погрозив кулаком в сторону Вашингтона, сверяясь по глобусу. Была выдана спешно напечатанная на машинке страница утвержденного кем-то текста, которую надлежало за полчаса выучить и использовать как отчет наш.

В тексте содержались идеологические константы. Они уже не соответствовали действительности: единственной константой остался всегда идеальный пробор на голове беспалой политической звезды, воссиявшей над огромным куском суши и угасающими красными карликами. Джон, не зная этих косметических и астрономических подробностей, за минуту проглотил и переварил казенный текст, и провел остаток времени под окном класса, корча рожи неудачливым собратьям.

Само же интервью прошло в пустом актовом зале как-то вяло. Пожилой финн, почти без акцента говоривший на русском, услышав бодрый рапорт Джона о преимуществах социалистической системы хозяйствования и крахе капитализма, сразу поскущел и стал смотреть в сторону. Каждое слово отражалось в гулком зале и казалось нелепым.

В конце финн спросил Джона о любимом писателе. Зацепок для ответа на этот вопрос в утвержденном тексте не было, Джон растерялся и брякнул первое всплывшее: «Бонч-Бруевич». Что-то насмешливое и одновременно печальное мелькнуло в глазах финна и он жестом поблагодарил-отпустил Джона.

Возвращаясь мыслями к этому событию, Джон всегда чувствовал легкое раздражение. Со временем раздражение усиливалось, переходя в злость на себя. Ну ладно, говорить по указке, это все делают. Но Бонч-Бруевич! С рассказами о Ленине и «обществе чистых тарелок» во время Гражданской войны. Любимый писатель! Как его хоть зовут, знаешь? Джон рано научился читать, запоем поглощал все интересное и мог уже назвать Жюль Верна, Луи Буссенара, Майн Рида, Гайдара, Куприна – хоть кого-то, кого любил.

Новое имя позволяло забыть этот досадный эпизод. Джон Маклейн не мог читать Бонч-Бруевича. Все, проехали.

Однако мы отвлеклись. Так бывает: потянешь за ниточку, и вылезает целый клубок воспоминаний, бессмысленных или бесценных – Бог весть.

Закончив рисовать подпись в экземплярах контракта (один – себе, один – школе, один – обнадзору или как там они называются), Джон поднял глаза на директрису.

– Ну что же, Иван Александрович, рада приветствовать Вас в нашем педагогическом коллективе. Коллектив у нас молодой. Сработаемся.

«Не вижу связи между возрастом коллектива и сработыванием», – подумал Джон. Некстати вспомнилась ему и фраза знакомого профессора: «Молодости нет, есть молодожопость».

– Благодарю.

– Вот окончательное расписание, Вы приступаете пятого сентября. Какие-нибудь материалы из нашей библиотеки нужны?

– Нет, спасибо.

– И еще раз подчеркиваю, что особое внимание нужно уделять тестам. Весной государственный экзамен, результаты тестирования, особенно по истории, должны быть высокими. Я знаю, что Вы любите творчество в работе, модули, проекторы, круглые столы и прочее. Но главное – это тесты и еще раз тесты.

«Видела бы ты эти тесты. Какие обезьяны их разрабатывают? Приличный историк до тестов не опустится. „Какое сословие внесло наибольший вклад в победу 1812 года? Четыре варианта“. Кретины. Ну, сравните вклад крестьян-партизан, дворян-офицеров и мещан-ополченцев. Чья кровь перетянет?»

– Разумеется.

– Всего доброго.

– До сентября, Надежда Аркадьевна.

Директриса неожиданно протянула пухлую руку. Джон привстал и осторожно ее пожал, улыбнувшись одним из вариантов светской улыбки. «Дурновкусием все-таки пахивают эти

женские рукопожатия. Чертов феминизм! И не пожмешь крепко, чтобы понять, кто перед тобой. И уж если протягиваешь руку, хоть изобрази привставание».

Джон прикрыл дверь директорской и зашел в стеклянную морилку для курящих преподавателей. Загудел вентилятор. Во время сезона Джон не пользовался морилкой: дети не должны видеть курящего учителя. Если ты им хоть немного симпатичен, не подавай плохого примера. Терпи. Жжение в горле, требующем табачного дыма, пройдет. Тем слаще будет первая затяжка в полсигареты на воздухе, после шести часов у доски.

Русский язык, значит, будет вести та. Литературу и русский дает обычно один учитель, но в этом сезоне не получится.

Русичка, авторитарного склада женщина по кличке Кабаниха, была Джону неприятна, хотя знакомы они были поверхностно. Дело было не в ее взгляде, лишенном теплоты, общем выражении угрюмой решимости неизвестно на что, способности орать как боцман при малейшем несовпадении желаемого с действительным, или фигуре морской каракатицы, вскормленной стероидами для скаковых лошадей. У каждого свои недостатки. Но некоторые недостатки нужно выжигать железом.

Кабаниха «тыкала» всем старшеклассникам и вообще всем подряд. Джон считал обращение на «вы» обязательным ко всем в школе. Семь лет назад, в своем первом сезоне, он пытался даже обращаться к одиннадцатиклассникам по имени-отчеству, но они реагировали не так, удивлялись, обижались, хохмили и зубоскалили. К тому же класс был этнически непростой, встречались экзотические отчества, которые и не выговоришь. Джон путался первые два занятия, а потом бросил и перешел на полные имена. Но ко всем – только на «вы». Обобщенное обращение – шутивно-торжественное «Дамы и господа». Принцип этот был взят осознанно. В школе, где учился Джон, сверху вниз обращались только на «ты». Иное в устах учителей звучало бы странно.

Но Джон считал по-другому. Школьник, и особенно одиннадцатиклассник, должен чувствовать себя личностью. Ему тыкаешь, а он не может ответить тем же. Это подлость, хоть небольшая, но ежедневная. «Пусть меня считают ископаемым, крахмальным интеллигентом, кем угодно», – думал Джон. В ответ на недоумение коллег Джон шутивно толкал байку о том, что обращение на «вы» впервые возникло в Риме, по отношению к Юлию Цезарю. И кто знает, может среди школьников подрастает новый Цезарь? Хорошо бы.

Кабаниха навязывала школьникам свой вкус и искала в домашних работах свои мысли. Сочинение по Есенину автоматически получало на балл выше, работа по Бродскому оценивалась в лучшем случае пренебрежительной четверкой. У Толстого ей виделись «длинноты и отступления», Маяковский был груб, а вот Паустовский – безупречен.

Были вещи и похуже. Джон случайно нашел диктант какой-то старшеклассницы М. Арбузовой. На полях красными чернилами было написано: «Ну и дура! Не могла правильно сделать. Дура». Ознакомившись с этой резолюцией, Джон испытал злость и неприятное чувство, которое возникает, когда явно нарушена справедливость, но ее восстановление требует ругани (в этом случае – с пожилой женщиной) и сопряжено с наживанием врагов. Выяснить отношения с Кабанихой Джон не стал, но запомнил фамилию старшеклассницы и решил при случае повысить ее самооценку. «Отличная работа, Мария (Маргарита, Марина?). Другой от Вас и не ожидал». Как-нибудь так.

Ну, может и к лучшему. Преподавание русского не всегда приносит удовольствие. Плыть в его течении, чмокая от удовольствия – это одно. Постоянно держать в памяти теоретические конструкции и вкручивать их школьникам, как штопор в пробку – другое.

Вообще закономерность простая: чем больше читаешь – тем лучше пишешь. Какие еще правила? Ведь не нужно знать законов физиологии, чтобы съесть селедку. И никуда не денется впитанное с миллионами строчек в ничего не забывающий мозг. Язык естественен как дыха-

ние. Кто там из классиков 19 века был филологом? Молчание. А кто заметил отсутствие у них профильного образования? Опять молчание.

– «Лев Николаевич, а почему Вы здесь использовали отглагольное существительное в этом склонении?»

– «Што?» – только бы и нашелся ответить свободно дышащий исполин.

Ну не может нормальный читающий человек сделать ошибку в словосочетании «изразцовая терраса». «ИзраЗец». Сочное слово, запоминается влет. РаЗом иЗукрасить иЗраЗец. «ТеРРаСа». Ассоциации с террой – землей.

Но если не читаешь ни бельмеса, если говоришь на, как его, «олбанском», носители которого расплозаются как колорадские жуки, тогда правильно писать не научит сам профессор Розенталь с электрошокером. «Что бы по женитца».

И в этих запущенных случаях, которые становятся нормой, Кабаниха хороша. Жесткая долбежка всех правил – до судорог, обмороков, истерик и нервных затяжек в форточку туалета. Включенный стеклорез все сорок минут урока, стучание кулаками и топание ногами. Звонки домой и вызов родителей. Единицы и пересдачи. Классный руководитель.

Ничего, за мной будет чистая литература, лучшая форма приложения языка. Пять гавриков в призах на олимпиадах в прошлом сезоне. Значит, методы верны.

Джон вышел на улицу и закурил.

Середина июля, жара, все разомлело и замерло, но это до поры. Осень спряталась в грустном изгибе одинокой березы и в шелесте ветра, уронившего пожелтевшие до срока листья. Осень затаилась, уступив силе лета, но она здесь.

День начинал уже гаснуть, солнце освещало только угол школы. Потянуло прохладой с большого пруда.

Глава 2. Сгоревшие дни

На преподавательском поприще Джон дебютировал рано, сразу после окончания института. Довольно быстро, однако, выяснилось, что зарплаты школьного преподавателя не хватает для поддержания штанов. Сказано неточно: сама возможность иметь штаны (и тем более не одни, с учетом перепадов температур на Среднерусской возвышенности) исключалась начисто.

Плевать на нужды брэнного тела – нищета преподавателя (как думал Джон) не могла сказаться на его профессиональных успехах. К сожалению, он ошибался: в глазах школьников человек, одевающийся на оптовом рынке, носящий межсезонные ботинки с июня по октябрь и с февраля по май, достающий черно-белый мобильник из тряпичного портфеля, был презренным существом – лузером. Знания, самоотдача и харизма этого существа значения не имели. Жизненное лузерство препода проецировалось на предмет: чему может научить лузер? Только тому, что сделало его лузером.

Поняв свою ошибку, Джон стал искать работу, которая позволила бы представлять перед школьниками в процветающем виде, иллюстрируя утопическую закономерность «знания – бабло» и опровергая жизненные истины «папа-волосатая лапа – бабло», «беспорядочные половые связи – бабло», «рэкет – бабло» и десяток других. Но Джон ни на секунду не забывал, что любая работа по сравнению с преподаванием – побочное занятие. Не цель, а средство дожить до следующего урока.

Искомую работу Джон нашел и всегда появлялся в школе одетым по последнему писк стили «casual», регулярно обновляя мобильники, часы, галстуки-поло и прочие брэнности. Преображение потребовало моральных жертв: Джон поселился в офисе, оставив на преподавание полпятницы и субботу.

Офис походил на улей, но за одним исключением: соотношение рабочих пчел и трутней было обратно пропорционально принятому в природе.

Улей, куда в восемь утра прилетала рабочая пчела по имени Джон, располагался в стеклянном новоделе в центре Москвы (стиль – переходный: от поп-арта к жоп-арту) и носил замысловато-гордое название, которое сложно воспроизвести, если перед глазами нет вывески и учредительных документов. Убрав десяток лишних слов, можно было понять, что перед нами – Социологический центр. Это заведение специализировалось на изучении и формировании общественного мнения, проведении аналитических и научных исследований, конференций и прочих сборищ, посвященных российскому обществу.

Говоря яснее, Социологический центр делал вид, что изучает народ в его же интересах, но обслуживал государственный аппарат, который делал вид, что обслуживает народ, но обслуживал олигархию, делавшую вид, что обслуживает государственный аппарат, обслуживающий народ, но обслуживавшую саму себя за счет народа.

Да, российские реалии просты и понятны только выросшим в них. Иностранец – от просвещенного немца до просвещенного эфиопа – способен разобраться в них не более, чем белый медведь в карте метрополитена.

Таким образом, Социологический центр, весьма извилистым путем, замаскированным юридическими зарослями, но имел доступ к олигархии, смахивавшей иногда со стола крошки, не интересные для крыс, но возжеленные для тараканов. Эти крошки превращались в лимузины, стоявшие за забором Социологического центра, ограждавшим его от изучаемого народа, загородные дома, нависавшие грозной тенью над хибарами соседей и мешавшие им собирать урожаи солнцелюбивых культур, вип-места в самолетах, несших вип-тела в вип-страны, а также прочие блага и преимущества. Выгодно изучать народ.

Тараканы, впрочем, тоже роняли крошки со своего стола, которые становились добычей трутней, а затем и рабочих пчел. Джон, вздохнув, встроился в пищевую цепочку. Наверное, только в идеальном обществе человек может заниматься любимым делом и жить достойно.

Можно сказать, что Джону с работой повезло. Сугубому гуманитария вообще трудно найти высокооплачиваемую работу: он знает и умеет нечто, не умеющее сразу превращаться в деньги. Правда, везение – это весло со смещенным центром тяжести, которое может ударить гребца по голове.

Офис был теплым местом, но заржаветь и обрасти ракушками Джону не грозило. Приходилось крутиться.

К собственно социологии Джон имел опосредованное отношение. Конечно, был такой предмет на истфаке и на заочном филфаке, и профессора вполне симпатичные. Одного из них, особенно бородатого, Джон даже почтил анонимной эпиграммой:

*Обзрев однажды лик социолога,
Понял: социологии не понять
Без опытного нарколога.*

Но все равно социология производила впечатление чего-то условно-схематического. Ну нельзя измерить линейкой бурлящую протоплазму общества. Линейка оплавится. И труды основоположников были скучны невыносимо. Не было в них завораживающего блеска классиков наук, берущих начало в античности. И методы какие-то странные. Вот социологический опрос: парень идет по улице с девушкой, и его о чем-то спрашивают. Понятно, что он хочет казаться умнее и отвечает не так, как думает. Умножьте результаты его ответа на тысячу других неискренних ответов и сделайте вывод, что считает народ. Пальцем в небо. «Социологические опросы свидетельствуют о...» – начало мантры, создающей несуществующую реальность в чьих-то интересах. В чьих? *Qui prodest?*

Джон и сам не раз становился объектом каких-то псевдосоциологических потуг. Дважды ему звонил приятный женский голос и спрашивал, какой телеканал он смотрит. В первый раз Джон ответил, что смотрит канал «Культура», чтобы хоть так поддержать его утопическое существование (а телевизор был выключен). Во второй раз Джон ответил, что смотрит выключенный телевизор (а работал музыкальный канал).

Литературофил, наделенный минимальным здравым смыслом, может произвести фурор в любой конторе, делающей слова на бумаге.

Джон был востребован и работал, как бессмертный пони из народной песенки. Он регулярно повышался, топтал конкурентов как подорожник.

Джон выпускал тематические сборники, писал статьи на любую тему, кандидатские диссертации по социологии, политологии, культурологии и прочая (целиком или частями), а также отзывы на них, авторефераты, предисловия, послесловия и все, что пожелаете, редактировал, аннотировал, рецензировал, анкетировал и интервьюировал все, что движется, вел переписку с другими форпостами гуманитарной науки и их кураторами-бюрократами, анализировал не поддающиеся анализу результаты соцопросов, взаимодействовал со СМИ и экспертным сообществом.

К работе Джон относился прагматично: любой каприз за ваши деньги.

Таким он стал в начале офисного пути, когда сдуру написал оригинальную статью для международного журнала, да еще и перевел ее на английский. Начальник, бегло пролиставший английский текст («О!» – подумал Джон), а затем, шевеля губами, медленно прочитавший русский оригинал («Мда» – подумал Джон), сказал, что обнаружил ряд грамматических ошибок, причем в одном слове. Сильнее уязвить профессионального историка и полупрофессионального филолога было невозможно. Джон превратился в каменный холодец.

Начальник взял ручку, лично что-то изобразил, и утвердил статью в печать. Джон посмотрел в исправленный вариант. Фамилия автора была зачеркнута, а сверху написана фамилия начальника. Джон поднял взгляд на начальника. Начальник смотрел с умилением. Когда Джон опустил взгляд, он был уже прагматиком.

Работа была посильной, даже наиболее сложная ее часть – написание диссертаций для баранов, желающих стать остепененными. Главное – изображать, что пишешь не ты, а заинтересованное лицо, а ты просто подхватываешь его мысли и кладешь их на бумагу. Ну, как авторучка, только говорящая. Нельзя выглядеть умнее, чем заинтересованное лицо. Закончил писать? Поставь чужую фамилию и отдай. Это счастье – быть сосудом ваших мыслей.

Срочно нужна статья на злобу дня? Нет проблем. Десяток статей на смежную тему переплавляются в одну так, что ни один автор не узнает своего текста. И умственных иностранных слов побольше. Это просто симулякр, батенька.

Псевдонаучные и квазианалитические труды должны были отвечать трем основным требованиям: солидности, бессмысленности и политической целесообразности. Руководители Социологического центра обладали носами муравьедов и чутко улавливали малейшие желания вышестоящих – не только высказанные, но даже и неосознанные.

Труднее всего было заставлять себя забывать о бумажной возне за порогом офиса. Информационный шум – не вода, из ушей не вытрясешь.

...В то утро Джон немного заигрался в игру-пятиминутку. «Пи-пи-пи!» – пищал будильник и Джон, бормоча «Тикающая скотина!», протягивал сонную руку и передвигал время подъема на пять минут. В конце концов Джон соскребся с кровати, как оладья со сковородки, и посмотрел на часы двумя глазами. В голове мелькнул матерный перевод фразы «Опаздываю на полчаса!» и Джон торпедировал в офис.

Час пик. Люди хмуро смотрят перед собой. Скорлупа, которую люди наращивают, защищаясь от друг друга, становится все толще.

Остается ли что-нибудь, кроме скорлупы? – подумал Джон.

Опоздал. Охранник на входе смотрит не в пропуск, а на часы.

Джон взлетел к себе на второй этаж, поприветствовал сокамерников и развернул бурную деятельность. Пальцы летали над клавиатурой.

Третий выпуск сборника отредактировать и отдать в верстку.

Так, диссертация уважаемого лица подгорает. «Морфологические аспекты культурософской парадигматики в творчестве Луки Мудищева».

Еще результаты соцопроса обработать. Имеете ли вы дом или сад? Что такое? Семь процентов респондентов затруднились ответить. Это как? Ладно, засуну в статпогрешность или приплюсую к имеющим.

Еще две бумаги сострять.

День набирал обороты, Джон занимался всем одновременно.

Заказан отзыв на монографию профессора из Академии. Положительный, с парой неразрушительных замечаний. Наугад открываем... Поехали! «Вместе с тем исследователю, безусловно, по объективным причинам, не удалось уделить внимания системному рассмотрению проблемы, связанной с...»

– Джон!

– Чего?

– Тебя новый шеф вызывает.

– Блин, я забыл совсем. Какой он из себя?

– Говнюк.

– Зачем так грубо? Просто руководитель фекального типа.

Уже третий начальник за семь лет, – подумал Джон. Что на этот раз? Пополнится ли моя коллекция кадавров? Перед глазами прошли два предыдущих. Первый был рафинированным

тормозом, засиженным мухами. Энергии, как у мешка с опилками. Иногда Джон в запарке забывал об этом и становился участником диалогов, подобных следующему:

«— Добрый день, Владимир Иванович, по поводу вчерашнего вопроса. Есть три идеи. Первая... Вторая... Ну и еще можем вот так... Если не годится, есть запасной вариант, я только что договорился с...»

— Добрый день. Чем могу быть полезен?»

И вдобавок педантичен настолько, что даже в словарях искал бы оглавление. Но в целом бесхребетный меланхолик был безвреден и вызывал ностальгию.

Преемник был хуже. Бывший кадровик из военных кругов. Кирзовый сапог внутри деревянного сапога. Пуленепробиваемый москит размером со шкаф. С врожденной привычкой слышать только свой командный голос и любоваться им. Каждое совещание сопровождалось колоссальными морально-психологическими потерями. Как сказал бы военный, «массовой гибелью человеческих жертв». Подобно обкуренному бегемоту, он ломился во все двери, обрывая ручки и требуя приветствовать его вставанием. Впрочем, сей сын Ареса обогатил внутренний мир Джона девизом: «Прикажут – шинель в брюки запроважу».

Джон затянул галстук-удавку, поднялся на этаж и предстал перед очами.

Новый начальник читал газету и дал себя рассмотреть.

Голова, похожая на луковицу. Затылочные доли мозга не развиты до отсутствия. Скверный признак. Ассоциация с луковицей подкреплялась аккуратно подстриженной ботвой на макушке, бросавшей тень на лысые окрестности. Читает, не шевеля губами. Интеллектуал!

Дочитав колонку светских новостей, начальник мрачно поглядел на Джона, проигнорировав его приветствие, и сухо обозначил фронт задач, неосознанным жестом нарисовав в воздухе символ доллара.

Джон вернулся к себе. Имя-отчество начальника вылетело из головы. Только что же видел табличку на двери. Какое-то мудреное у него имя, как у древнего печенега. Вурдалак? Василиск? А фамилия... Модернистская такая, в родительном падеже. Козлов.

— Джон, возьми трубку!

— Кто там? Женщина?

— Женщина. Мужского пола.

— Добрый день, Ирина Анатольевна. Да, все в силе. Материал будет готов к пяти.

Не за что.

— Джонни, к тебе практикант приходил. И еще придет.

— Что я с ним должен делать?

— Пусть степлер охраняет.

— Это опасная штука, все время выстрелить норовит по пользователю. Не транспортир какой-нибудь. Хотя в умелых руках и он – оружие.

Вместо обеда Джон вынужден был обороняться от мутных существ, пришедших неизвестно зачем. Такие часто ходят по околонучным учреждениям. Какие-то поучения, приглашения, пожелания, размазывание по тарелке несуществующей каши.

Некоторых пришлось ломать вопросами в упор. Один диалектик, похожий на престарелого осла, долго спорил с Джоном о различиях между методологией, методикой и технологией познания социальной действительности. Пришлось задать ему вопрос: «если свинья забегает в кабинет и мешает работать, то чем будет швыряние швабры в эту свинью – методом, методикой или технологией ее изгнания?» Диалектик поспешно удалился, скорбно трясая головой.

После обеда Джон вынужденно почтил вниманием представительную конференцию, организованную им лично. Все выступления были в пределах нормы и не требовали оперативного вмешательства, но под занавес на трибуну вылез давний неприятель Джона, профессор Бабуин. И стал гундосить ересь, шедшую вразрез с вектором Социологического центра.

Джон стал буравить докладчика взглядом прапорщика монгольской армии. Язвительные реплики с места не помогали. Пришлось задавать наводящие вопросы, профессор поплыл. По кивку начальника Джон встал и уничтожил соперника речью в китайском стиле: «Не умея ходить, нельзя бегать. Не зная понятий, нельзя строить умозаключения. Пренебрегая практикой, не создашь теории...». Участники проснулись, началось сведение старых счетов, председательствующий замучился призывать к порядку. Конференция удалась.

Получилось и поддержать полезное знакомство. На конференции присутствовал вероятный оппонент Джона по докторской диссертации. С ним нужно осторожнее, он и Гегеля бы зарубил за несистемность взглядов.

Джон выстроил беседу, старательно изображая чувства в нужной последовательности. Игремая роль: молодой автор, продирающийся сквозь дебри своего ничтожества к источнику мудрости. Испытываемые чувства: благоговение, неверие в происходящее, священный трепет, интеллектуальный катарсис. Оппонент ушел удовлетворенным. Отыграв сцену, Джон поклонился сам себе и поднялся в гримерку.

В конце дня Джон остался один в камере. Но перед этим сделал доброе дело: прикрыл сокамерника. Тот хотел уйти на три минуты раньше, но единственный выход на улицу пролегал мимо кабинета начальника. Джон позвонил начальнику и развлекал его разговором, пока страждущий не пробежал рысью по коридору.

Так, осталось еще написать статью о результатах выборов. Тон – холодно-торжествующий. Смысл: случилось то, что в точности предсказывали только мы. Внимайте словам пророка. Сейчас что-нибудь придумаем.

Насколько проще было бы сделать по-восточному пышную стилизацию. Нельзя, за сатиру примут. А я ведь от чистого сердца.

«Отступаю в изумлении перед величиим твоим, ибо как не может муравей постичь смысл строительства электростанции, так не может смертный постичь дела твои, приведшие к невиданному доселе могуществу. И как не может жук-водомерка проникнуть в пучину океана, так не может смертный сложить поэму, не умаляющую премногих заслуг твоих...»

И видел я давку великую на избирательных участках, и возрадовалось сердце мое, ибо то было знамение очередной победы твоей над изменчивым электоратом, не ведающем пользы своей.

И видел я, как заполнялись бюллетени, и как падали они в урны, подобно листьям под натиском осеннего ветра, прилетевшего с вершин Центризбиркома.

И видел я, как иссякают запасы чернил, ибо каждый хотел кроме галочки в бюллетене написать тебе приветствие свое.

И видел я, как сложили бюллетени в кучи и вознеслись эти кучи поверх облаков и поверх орлов быстрокрылых, разносящих весть о победе твоей до самых дальних провинций...

И видел я процесс инаугурации, когда два солнца взошли на небосводе и меньшее из них было солнцем, согревающим планету, удостоенную благосклонных взоров твоих...»

Нельзя так – напишем по-другому. Джон застучал по клавишам со скоростью пулеметчика. Годится.

Джон оторвался от компьютера и посмотрел на часы. Полдевятого. То-то, думаю, тихо стало в нашей богадельне. Ни мышь не пролетит, ни проползет журавль, как поется в песне.

Поздно вечером Джон с облегчением закрыл дверь конторы и взъерошил уцелевший скальп.

Вот так целыми днями вкальываешь, не покладая головы, – подумал он.

Покладаешь, не вкладывая головы. Что на выходе?

Больше всего раздражает, что ничего нельзя сказать прямо. Вместо «пошел отсюда, козлий баран!» говоришь «давайте обсудим Вашу концепцию».

Мелкие ежедневные дела обладают сильнейшим притяжением. Со временем круг дел становится кругом мыслей и человек-планктон попадает в ловушку. Помыслить о чем-то, выходящем за круг дел, стоит большого усилия. Настолько большого, что вся мыслительная энергия поглощается этим усилием. Человек-планктон успевает осознать, что он не думает о хлебе насущном, но о чем он думает? Уже ни о чем. Ловушка же в том, что ни о чем не думающий человек не воспринимает мысли других. Кто-то говорит о смысле, красоте, волшебстве, предназначении? Да ему просто нечем заняться! Время – деньги. Деньги – время.

Ладно. Слава Богу, завтра – в школу. Настоящее дело. Премьера сезона. Скорее бы завтра.

Глава 3. Прошлое как настоящее

Далеко за полночь. Под крышей темной многоэтажки горит одно окно.

Джон всегда готовился к занятиям по ночам. Эта привычка возникла в студенчестве и неизменно приносила результаты. Тишина в спальном доме, ясность и беглость мыслей. Каждая буква в теплом свете настольной лампы утром остается перед глазами. Конечно, к вечеру следующего дня Джон становился овощем, голова гудела и отказывалась работать, но все это было уже после занятий и не имело значения.

В многочасовой подготовке к каждому занятию, казалось, не было смысла – Джон давно знал наизусть каждую строчку в своих базовых курсах лекций – две тысячи страниц по истории, три тысячи – по литературе, мог кусками цитировать десятки учебников, мемуаров, хрестоматий, монографий и прочих изданий, накопленных за годы библиофильства. Но смысл был – если не повторять все снова и снова, можно потерять жизненно важное умение – моментально переключаться с одной темы на любую другую, не теряя имен, дат и контекста событий.

Этот навык дался непросто, но был необходим: во время урока по Ивану Грозному можно было получить неожиданный вопрос об Иване III, а на перемене – о Меншикове, Боброке-Волынском или Крупской – о ком или чем угодно. Причем вопросы могли далеко выходить за рамки учебника. Школьники могли зацепить любую деталь, сплетню, версию из Интернета, исторического романа, телепередачи или разговора за ужином, и потребовать от Джона комментариев. И на вопросы нужно было отвечать без промедления, легко и обстоятельно. И поощрять к новым вопросам. Если вошел в класс – будь готов ответить на любой вопрос по предмету. Любой.

Сложнее всего было с одаренными ребятами. Вундеркинды редко, но встречались.

После первого занятия в прошлом сезоне к Джону подошло маленькое создание с пирсингом и синими волосами и неожиданно стало задавать глубокие и беспощадно точные вопросы по трем работам Троцкого, из которых Джон читал только одну, лет десять назад. Джон с усилием прогнал из головы норманнскую теорию и Рюрика с братьями, переключился на двадцатый век, физически ощутив скрип насилуемых извилин, и стал бороться за свой авторитет.

Если бы разговор происходил один на один, Джон честно бы сказал, что не читал две работы и высказал бы ряд мыслей общего плана. Но школьники столпились вокруг, наблюдая за поединком Джона с Марией Солнцевой, звездой школы, победительницей олимпиад, неизбежной золотой медалисткой, кошмаром и гордостью педагогического коллектива, обладательницей IQ нечеловеческих значений, начитанной как хранитель Александрийской библиотеки, рокершей, анархисткой, хакершей и хулиганкой.

Джон не мог сказать: «Давайте обсудим это, когда будем проходить Октябрьскую революцию», «Я точно не помню», «Никто не может знать все». Авторитет учителя приобретает трудно и долго, но теряется мгновенно. Джон боролся изо всех сил.

Мария смотрела оценивающим взглядом, каким рыбак смотрит на червяка, наполовину объединенного рыбами, прикидывая, поменять его или нет, и беспрерывно атаковала, мгновенно обнаруживая неточности, логические уловки и пробелы в ответах Джона, отмечая лишнее, пробрасывая мосты рассуждений вглубь и вбок, заходя с неожиданных сторон, сводя к абсурду и парадоксам реплики оппонента, перебирая имена-события-цитаты как безделушки в своей косметичке. Джон чувствовал себя шахматным королем, который оказался среди фигур противника и теперь бежит по доске к своим, спасаясь от шахов, каждый из которых может стать последним.

Прозвенел звонок. Джон с сожалением развел руками и выразил восхищение уровнем дискуссии. Взгляд Маши смягчился, она поблагодарила Джона за подробные ответы и ушла.

«До свиданья, Иван Александрович!» – растеклись по коридору школьники. Джон рухнул на стул, оценивая свои ответы. Обряд инициации был пройден успешно, Солнцева не пропускала занятий, своим присутствием держа Джона в олимпийской форме до выпускных экзаменов.

Так, осталось еще просмотреть два летописных фрагмента из хрестоматии. Джон скользил взглядом по своим пометкам.

Ни к одному рабочему дню в офисе он не готовился так, как к урокам. Офис не имеет значения. Горы исписанных бумаг, звонков и мероприятий – ничто. Сам Гегель не смог бы проследить связь между работой в этой скотобойне-богадельне и жизнью страны. А в преподавании смысл есть. Знания – самое ценное, что может дать один человек другому. Будущее принадлежит ребятам, с которыми я познакомлюсь завтра. Пес со мной, я отработанный материал, но им я отдам все, что могу.

Тут Джона кольнула мысль, что преподаватель тоже не увидит результатов своего труда. Наступит прекрасный май и принесет горечь. Три выпускных класса разойдутся навсегда. Ребят унесет жизненным ветром и они исчезнут. Хоть бы один позвонил и сказал: «Спасибо, я поступил в престижный вуз». Ведь почти все хорошо сдают историю и многие поступают. Из грамот и благодарностей от руководства школ можно шалаш построить. Но ни один не звонит. Никогда. Может, они и правы, нужно просто идти дальше.

Завтра будет сложный день. Уже сегодня. Еще двадцать лет у школьников не мог возникнуть вопрос – зачем учить историю? Зачем учиться вообще? Ну как-то не возникал, и все. Среда была другой. А сейчас вопрос стоит. Перед их глазами сотни примеров, когда клинические бараны получают от жизни все мыслимые материальные блага и не вылезают из телевизора. Зачем учиться, если деньги, дома, машины, подружки-фотомодели не находятся в видимой связи с объемом знаний? Пусть я пишу слово «география» с тремя ошибками, зато у меня самый крутой мобильник в классе. Вот вопрос. С ответа я начну завтра.

...Три часа до подъема. Джон закрыл глаза...

...и сразу услышал нарастающий писк будильника. Подъем! Резче.

Холодный душ. Сорок отжиманий. Еще сорок. Два кофе. И еще ложку съесть. Дрянь какая! Но остатки сна исчезли.

На балкон, пару сигарет за минуту. Привет йогам, кардиологам, фанатам здоровья, Порфирию Иванову и Полю Брэггу – персонально! Плевать. Никто не живет вечно.

Редкие огоньки мигали в домах напротив. Едва родившийся месяц трепетал в прозрачной высоте. Над далекой Москвой неподвижно висели тучи.

Джон выкатился из дома, проложил лыжню по мусору около станции и возглавил толпу, идущую на приступ электрички. На штурм, на штурм! Поднять знамена и регалии. Господи, куда они все едут? Суббота, семь утра. Вопрос не по адресу. О, зловещие жернова капитализма и магнит-мегаполис!

Преподавание – коварная штука, – думал Джон. – Поставишь барьер между собой и классом – потеряешь контакт. Наденешь маску – потеряешь контакт. Ты должен быть естественным. И беззащитным. Таким, как есть.

Поезд въехал в Москву. Проекторы над рельсами – как горящие глаза огромного хищного зверя. Беспросветные тучи. Третий Рим во мгле. Молчаливая толпа ниспадает в провалы переходов.

Джон спустился в душное метро и встал на любимое место сбоку. Нужно настроиться, ближе к событиям. История – повсюду. Казалось, что поезд уносит Джона на десятилетия назад. Мысли мелькали как трубы и провода на расстоянии руки. Метрополитен имени Лазаря Кагановича... Старейшая красная ветка...

История... Интересна российская история. И народ интересный. Забавно, когда частица народа рассуждает о нем самом.

Взять хоть сказки. Испеки мне, старая, колобок! Из чего колобка-то сделать? Муки-то нет (почему?!) Ну, поскреби по сусекам. Поскребла, а оно укатилось. Быстротечны мирские блага. И жизнь коротка. И не стоит песенки петь, стоя на морде хищника.

Или вот эта – дивный сюжет! Петушок, видите ли, подавился бобовым зернышком, хотя его предупреждали. И вот его супруга курица бежит к речке за водой, но речка просит в обмен листочек, курица бежит к березке, но березка-скотина листочка не дает, а предлагает поменять на нитку, курица бежит за ниткой, но девушка не дает, а хочет в обмен гребень, у гребенщика свои потребности и т. д. Наконец, через пять страниц сказки кто-то отгрузил товар бесплатно, цепочка размоталась обратно и петушка реанимировали. А иначе – курица до сих пор бегала бы над трупом петушка. Но и в этой запутанной истории есть что-то философское. Пока не найдешь добрую душу и бессеребреника – ничего не сдвинется.

Интересный народ. Враскоряку стоящий между Европой и Азией. Примеряющий модели развития, которые слишком малы. Но примеряющий снова и снова. Неудержимый в достижении цели. Не способный сформулировать цель. Богоносец, летящий по небу. Ползущий под железным панцирем государства. Талантливый во всем, кроме политического строительства. Построивший прекрасные храмы искусства и науки на брюхе безмозглого Левиафана, который может перевернуться во сне. Смотрящий вдаль, но живущий сегодняшним днем. Жестокий и беззащитный. Способный делать лучшие ракеты, но не способный наладить отдельный сбор мусора. Бутылки – сюда, все остальное – туда. Невыполнимая задача.

Сочетание несочетаемого. Могут ли существовать такие парадоксы? А существует ли народ? Вообще – какой-нибудь? Может, это слово – абстракция? Ведь реально то, что имеет разум или волю, или цель, или предназначение. Народ не имеет разума: какой замысел был создан и реализован народом? Народ не имеет воли: какое историческое действие есть результат его свободного и согласного, без принуждения и расколов, волеизъявления? И, следовательно, народ не имеет цели, судя по первым двум основаниям. И предназначения – судя по первым трем основаниям. И культуры не имеет: культура – движение духа, а дух невозможен без воли. Да, озвучить эти мысли можно только из желтого дома на Шаболовке.

До начала занятий оставалось полчаса.

Волнение охватило Джона. Тяжесть предстоящих сотен часов нависла над ним, заставив усомниться в своих способностях. Как будто в первый раз.

Огромна ответственность. Прошлое живет в сознании. Рассказывать о прошлом – значит управлять сознанием.

Колеса стучали как мысли. История... Загадочная ткань прошлого.

Два основных вопроса: как было? Почему было так? С ответами сложнее.

Представления об истории не могут стать знанием. Эпохи, даже богато представленные в библиотеках и архивах, непознаваемы. Документальные свидетельства не говорят почти ничего, за каждым из них – отдельный человек, неразличимый в потоке судеб и событий.

Можно ли достоверно описать хотя бы один день из жизни человека? Ну, возьмите его паспорт, проездной билет, автограф записки на холодильнике и содержимое карманов. Вспомните в фотографию, наклон почерка, цвет чернил и пачку жвачки. Сделайте выводы. Много выводов. Они будут, без сомнения, достоверны, так как основываются на материальных источниках. Достоверны как результаты любого исторического исследования, способного лишь случайно найти крупинку истины и тут же ее потерять.

Это один день жизни одного человека. Пусть он не стоит ничего и не интересен, если это не день отречения царя.

Историк, видите ли, занимается народами, процессами и закономерностями. Не можем внятно описать прошлую неделю, но даем характеристики векам. Не можем рассказать о соседе по офисной клетке, с которым проводим больше времени, чем с женой, но уверенно говорим о народах. И, конечно, легко познаем исторические закономерности. Вот переломный момент,

вот рывок, прыжок через пропасть в два скачка, вот здесь массы не смогли, а верхи не захотели, здесь наоборот, а вот и конец истории. Стойте, это был не конец, он – вот.

Ярлыки, без которых нельзя. Смотрите, какой великий реформатор. Правда, пока он правил, население страны сократилось. Оставшиеся называли его антихристом. Но на его величии как реформатора это не сказалось. А вот освободитель, до конца жизни подавлявший бунты освобожденных и убитый ими же. А вот духовный лидер. Он, правда, соперничал с другим духовным лидером. Видимо, за лидерство в сфере духа. А вот мелкий композитор эпохи великого тирана. Симфонии не в счет, ведь музыкант не убил даже воробья. Ярлыки приклеиваются при жизни и после смерти. Они полезны – как дорожные знаки в сухом русле ушедшей реки.

Историк не может не быть агностиком. Он рассматривает какой-то искусственно выделенный другими историками период (в действительности не имеющий ни начала, ни конца), обрубив его связи с предшествующим и будущим. Изучает материальные отпечатки эпохи (осколками кривого зеркала отражающие реальность), тысячу раз ограниченный временем, социальным заказом, ресурсами архивов, знанием иностранных языков (могу ли я свободно читать и понимать по-французски – хотя бы?), амбициями, предрассудками, догмами, суждениями авторитетов, общественным мнением, околонучными дрызгами и карьерными соображениями. Плывет сквозь потоки лжи, клеветы, лести, болота схоластического словоблудия, проваливается в неизвестные пустоты смежных наук – от психологии до юриспруденции. Непрерывно спотыкается и машет рукой на все, что не укладывается в схему. Ой, вышел за рамки исследования. Тогда здесь подрежем, а вот этот параграф засунем сюда, чтобы логику выдержать. Каков результат? Что угодно, только не знание. И тем более не истина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.